

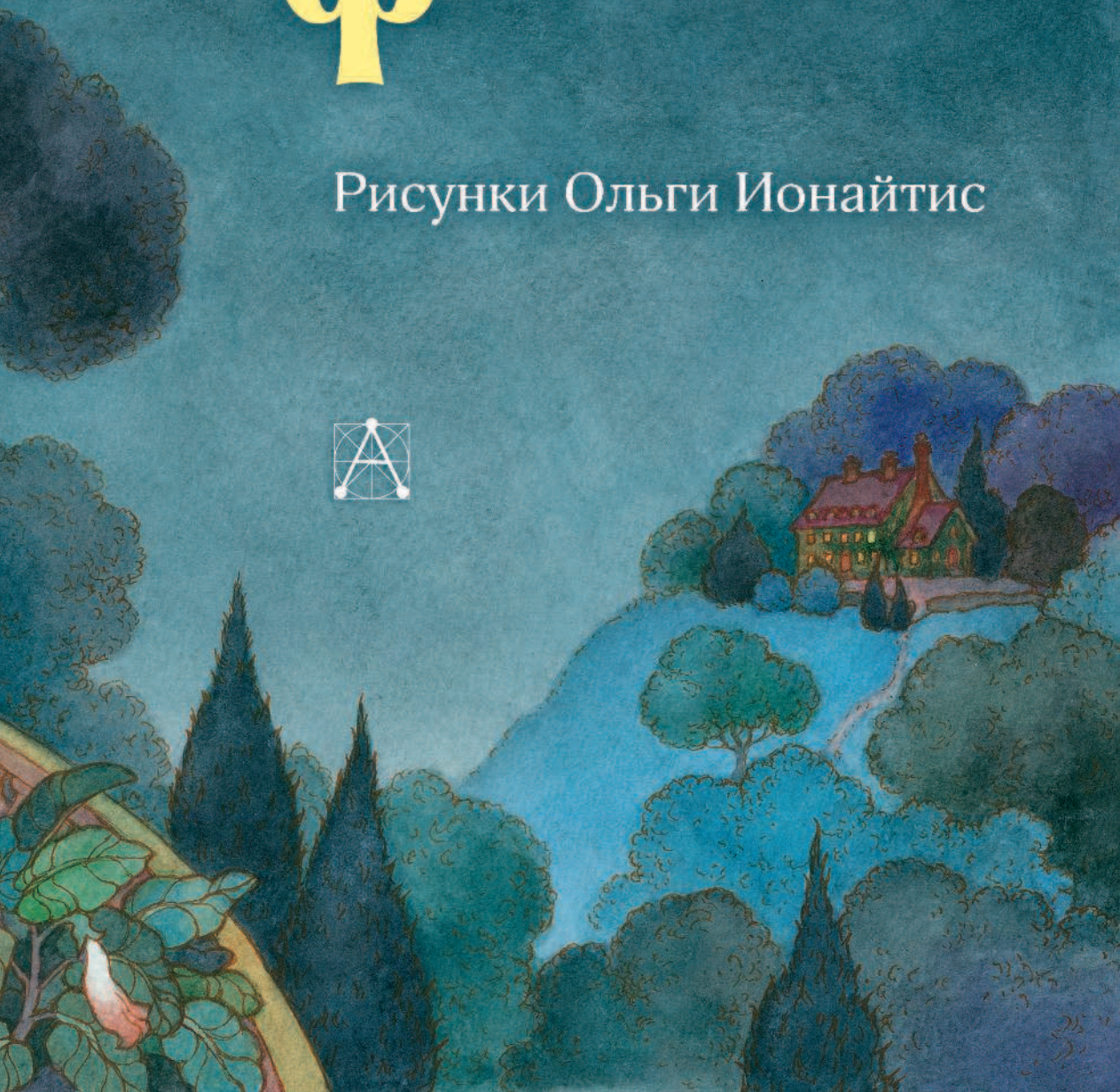

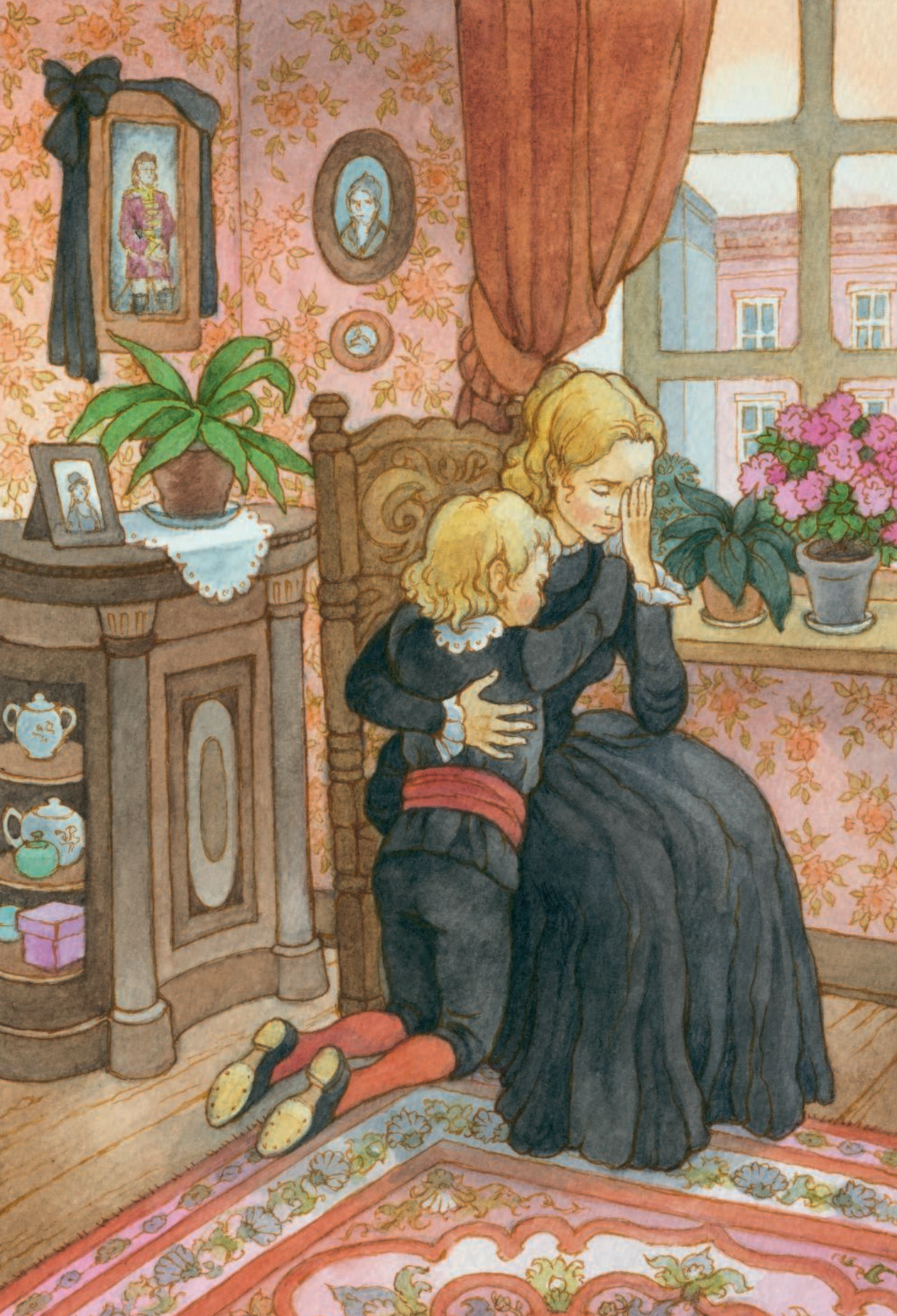

Фрэнсис Бёрнетт

Маленький лорд фаунтлерой

Рисунки Ольги Ионайтис

Глава I

УДИВИТЕЛЬНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

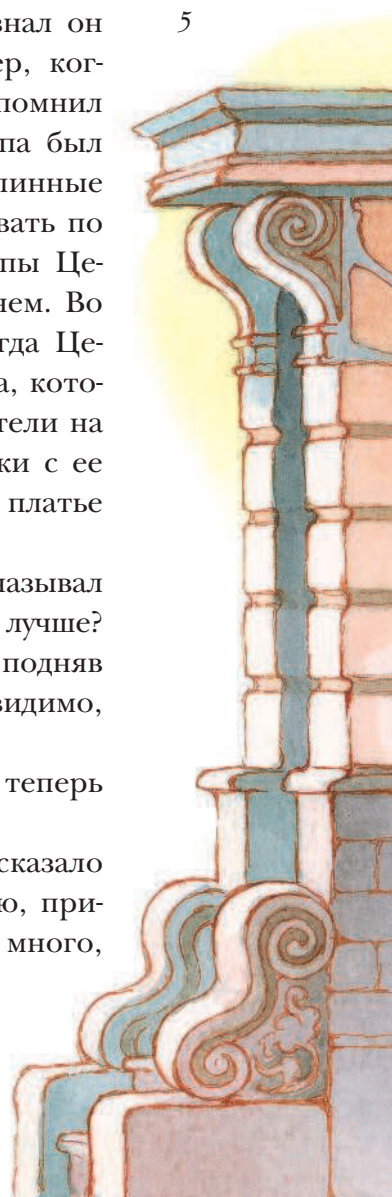
Цедрик решительно ничего не знал об этом, знал он только, что отец его был англичанин; но он умер, когда Цедрик был совсем маленьким, и потому он помнил о нем не очень много; он помнил только, что папа был высокого роста, что у него были голубые глаза и длинные усы и что было необыкновенно весело путешествовать по комнатам, сидя у него на плече. После смерти папы Цедрик убедился, что лучше не говорить с мамой о нем. Во время его болезни мальчика увезли из дому, а когда Цедрик возвратился, все уже было кончено и его мама, которая тоже сильно болела, только что перешла с постели на свое кресло у окна. Она была бледна и худая, ямочки с ее милого лица исчезли, глаза смотрели печально, а платье на ней было совсем черное.

— Милочка, — спросил Цедрик (папа всегда так называл ее, и мальчик стал подражать ему), — Милочка, папе лучше?

Он почувствовал, как задрожали ее руки, и, подняв свою кудрявую головку, взглянул ей в лицо. Она, видимо, едва удерживалась от того, чтобы не разрыдаться.

— Милочка, — повторил он, — скажи, ведь ему теперь хорошо?

Но тут его любящее маленькое сердечко подсказало ему, что лучше всего обвить обеими руками ее шею, прижаться мягкой щекой к ее щеке и целовать ее много,

много раз; он так и сделал, а она опустила голову на его плечо и горько заплакала, крепко прижимая его к себе.

— Да, ему хорошо, — рыдала она, — ему совсем хорошо, но у нас с тобой никого больше не осталось.

Хотя Цедрик был совсем еще маленький мальчик, он понял, что его высокий, красивый, молодой папа никогда уж больше не вернется, что он умер, как умирают другие люди; и все же он никак не мог уяснить себе, отчего это случилось. Так как мама всегда плакала, когда он заговаривал о папе, то он решил про себя, что лучше не упоминать о нем слишком часто. Вскоре мальчик убедился, что не следует также давать ей сидеть подолгу безмолвно и неподвижно, глядя в огонь или в окно.

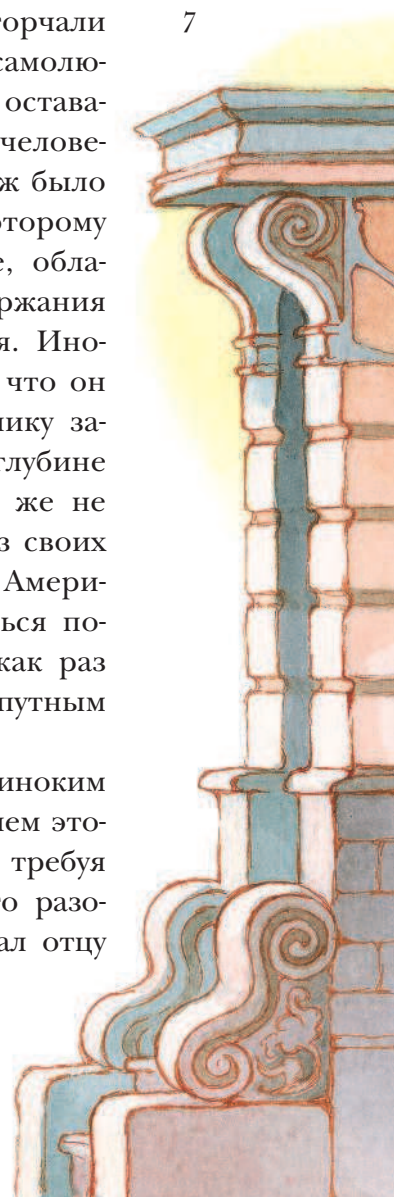
6

У него и у мамы было мало знакомых, и жили они совсем одиноко, хотя Цедрик не замечал этого, пока не сделался старше и не узнал, почему у них не бывают гости. Тогда ему рассказали, что мама его была бедной сироткой, у которой никого не было на свете, когда папа женился на ней. Она была очень хорошенькая и жила компаньонкой у богатой старой дамы, которая дурно обращалась с ней. Однажды капитан Цедрик Эрролл, придя к этой даме в гости, увидел, как молодая девушка подымалась по лестнице со слезами на глазах, и она показалась ему такой прелестной, невинной и печальной, что с той минуты он не мог позабыть ее. Вскоре они познакомились, крепко полюбили друг друга и, наконец, повенчались; но брак этот вызвал неудовольствие окружающих их людей. Всех больше сердился отец капитана, который жил в Англии и был очень богатый и знатный господин, известный своим дурным характером. К тому же он от всей души ненавидел Америку и американцев. Кроме капитана, у него было еще двое сыновей. По закону старший из них должен был унаследовать фамильный титул и все обширные имения отца. В случае смерти старшего наследником делался следующий сын, так что для капитана Цедрика было мало шансов превра-

титься когда-нибудь в богатого и знатного человека, хотя он и был членом такой знатной семьи.

Но случилось так, что природа наделила младшего из братьев прекрасными качествами, которыми не обладали старшие. У него было красивое лицо, грациозная фигура, мужественная и благородная осанка, ясная улыбка и звучный голос; он был храбр и великодушен и притом обладал добрейшим сердцем, что в особенности привлекало к нему всех знавших его людей. Не таковы были его братья. Еще мальчиками в Итоне они не были любимы товарищами; позже в университете они мало занимались наукой, даром тратили время и деньги и не сумели приобрести себе истинных друзей. Они постоянно огорчали своего отца, старого графа, и оскорбляли его самолюбие. Его наследник не делал чести своему имени, оставаясь эгоистичным, расточительным и недалеким человеком, лишенным мужества и благородства. Очень уж было обидно старому графу, что только третий сын, которому предстояло получить весьма скромное состояние, обладал всеми качествами, необходимыми для поддержания престижа их высокого общественного положения. Иногда он почти ненавидел молодого человека за то, что он был наделен теми чертами, которые его наследнику заменили громкий титул и богатые поместья; но в глубине своего гордого, упрямого старого сердца он все же не мог не любить младшего сына. Во время одной из своих вспышек гнева он послал его путешествовать по Америке, желая удалить на время, чтобы не раздражаться постоянным сравнением его с братьями, которые как раз в эту пору причиняли ему много забот своим беспутным поведением.

Но через полгода он начал чувствовать себя одиноким и втайне стремился увидеться с сыном. Под влиянием этого чувства он написал капитану Цедрику письмо, требуя его немедленного возвращения домой. Письмо это разошлось с письмом капитана, в котором тот сообщал отцу

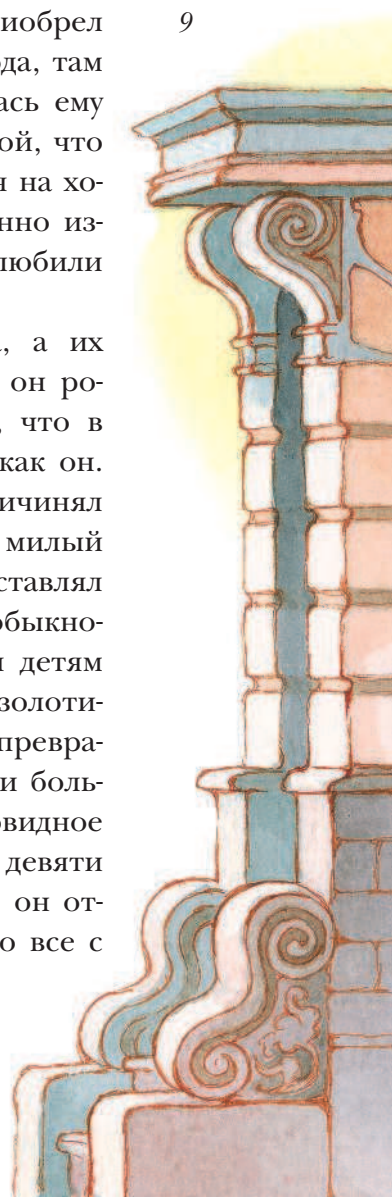

о своей любви к хорошенькой американке и о намерении жениться на ней. По получении этого известия старый граф безумно рассердился; как ни скверен был его характер, никогда еще гнев его не достигал таких размеров, как при получении этого письма, и его слуга, бывший в комнате, невольно подумал, что с его сиятельством, вероятно, случится удар. В продолжение целого часа он бегал, как тигр в клетке, но, наконец, мало-помалу успокоился, сел за стол и написал сыну письмо с приказанием никогда не приближаться к его дому и никогда не писать ни ему, ни братьям. Он писал, что капитан может жить где хочет и как хочет, что он отрезан от семьи навсегда и, конечно, не может уже более рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны отца.

Капитан весьма опечалился; он очень любил Англию и был сильно привязан к родному дому; он любил даже своего сурового старого отца и жалел его, видя его огорчения; но он также знал, что с этой минуты не может ожидать от него никакой помощи или поддержки. Сначала он не знал, что ему делать: его не приучили к труду, он был лишен практического опыта, зато у него было много мужества, но потом он поспешил продать свою должность в английской армии; после долгих хлопот он нашел себе место в Нью-Йорке и женился. Перемена в сравнении с его прежней жизнью в Англии была очень ощутительной, но он был молод и счастлив и надеялся, что упорный труд поможет ему создать себе хорошее будущее. Он приобрел маленький домик в одной из отдаленных улиц города, там родился его маленький сынок, и вся жизнь казалась ему такой хорошей, веселой, радостной, хотя и скромной, что он ни на минуту не раскаивался в том, что женился на хорошенькой компаньонке богатой старухи единственно из-за того, что она была прелестна и что они нежно любили друг друга.

Жена его действительно была очаровательна, а их сынишка одинаково напоминал отца и мать. Хотя он родился в очень скромной обстановке, но казалось, что в целом мире не было такого счастливого ребенка, как он. Во-первых, он всегда был здоров и никогда не причинял никому беспокойства, во-вторых, у него был такой милый характер и такой веселый нрав, что он всем доставлял одно только удовольствие, и в-третьих, он был необыкновенно хорош собой. В противоположность другим детям он явился на свет с целой шапкой мягких, тонких, золотистых вьющихся волос, которые к шести месяцам превратились в прелестные длинные локоны. У него были большие карие глаза с длинными ресницами и миловидное личико; спинка и ножки его были так крепки, что девяти месяцев от роду он уже научился ходить; при этом он отличался таким редким для ребенка поведением, что все с

наслаждением возились с ним. Казалось, он всех считал своими друзьями, и если кто-нибудь из прохожих подходил к нему, когда его катали в маленькой колясочке по улице, он обыкновенно устремлял на незнакомца серьезный взгляд, а потом очаровательно улыбался. Неудивительно после этого, что все жившие по соседству с его родителями любили и баловали его, не исключая даже мелочного торговца, слывшего за самого угрюмого человека в мире.

10

Когда он вырос настолько, что мог гулять с няней, таща за собою маленькую тележку, в белом костюмчике и большой белой шляпе, надвинутой на золотистые кудри, он был так красив, так здоров и румян, что привлекал к себе всеобщее внимание, и няня не раз, возвращаясь домой, рассказывала матери длинные истории о том, как многие дамы останавливали свои экипажи, чтобы поглядеть на него и поговорить с ним. Больше всего очаровывала в нем именно радостная, смелая, оригинальная манера знакомиться с людьми. Это, вероятно, объяснялось тем, что у него был необыкновенно доверчивый характер и доброе сердечко, которое сочувствовало всем и хотело, чтобы все стали такими же довольными и счастливыми, как он сам. Это сделало его очень чутким по отношению к другим людям. Нет никакого сомнения, что подобное свойство характера развилось в нем под влиянием того, что он постоянно находился в обществе своих родителей — любящих, спокойных, деликатных и воспитанных людей. Он всегда слышал одни только ласковые и вежливые слова; все его любили, нежили и ласкали, и он под влиянием такого обращения невольно привык также быть добрым и мягким. Он слышал, что папа всегда называл маму самыми ласковыми именами и постоянно относился к ней с нежной заботливостью, а потому и он научился во всем следовать его примеру.

Поэтому, когда он узнал, что папа не вернется, и видел, как печальна мама, в его доброе сердечко понемногу прокрадась мысль, что ему нужно постараться по возмож-

ности сделать ее счастливой. Он был еще совсем маленький ребенок, но эта мысль овладевала им всякий раз, когда он взбирался к ней на колени и клал свою кудрявую головку на ее плечо, когда приносил показывать ей свои игрушки и картинки, когда свертывался клубочком около нее на диване. Он еще недостаточно вырос, чтобы уметь делать что-нибудь другое, и потому делал, что мог, и действительно утешал ее больше, чем предполагал.

— О, Мэри, — как-то услышал он ее разговор со служанкой, — я уверена, что он старается помочь мне! Он часто смотрит на меня с такой любовью, таким вопрошающим взглядом, как будто жалеет меня, а потом начинает ласкать или показывать мне свои игрушки. Совсем как взрослый... Я думаю, что он знает...

Когда он подросток, у него появился ряд милых и оригинальных ухваток, которые очень нравились всем окружающим. Для матери он был таким близким другом, что она и не искала себе других. Они обыкновенно вместе гуляли, болтали и вместе играли. С самых ранних лет он выучился читать, а потом, лежа по вечерам на ковре перед камином, читал вслух то сказки, то толстые книги, которые читают взрослые, а то и газеты.

И Мэри, сидя у себя в кухне, не раз слышала в эти часы, как миссис Эрролл от души хохотала над тем, что он говорил.

— Положительно, нельзя удержаться от смеха, когда слушаешь его рассуждения, — говорила Мэри лавочнику. — В самый день выборов нового президента пришел он ко мне на кухню, встал у печки таким красавчиком, руки засунул в кармашки, лицо сделал серьезное-пресерьезное, точно у судьи, и говорит: «Мэри, я очень интересуюсь выборами. Я республиканец, и Милочка тоже. А вы, Мэри, тоже республиканка?» — «Нет, я демократка», — отвечаю. «Ах, Мэри, вы доведете страну до гибели!..» И с тех пор не проходит дня, чтобы он не старался воздействовать на мои политические убеждения.

Мэри очень любила его и гордилась им; она служила в их доме со дня его рождения, а после смерти его отца исполняла все обязанности: была и кухаркой, и горничной, и няней. Она гордилась его красотой, его маленьким крепким телом, его милыми манерами, но в особенности гордилась его вьющимися волосами, длинными локонами, обрамлявшими его лоб и ниспадавшими на плечи. Она готова была с утра до ночи помогать его матери, когда та шила ему костюмчики или убирала и чинила его вещи.

— Настоящий аристократ! — не раз восклицала она. — Ей-богу, хотела бы я видеть среди детей с Пятой улицы такого красавчика, как он. Все мужчины, женщины и даже дети засматриваются на него и на его бархатный костюмчик, сшитый из старого платья барыни. Он себе идет, подняв головку, а кудри так и развеваются по ветру... Ну прямо молодой лорд!..

Цедрик не догадывался, что он похож на молодого лорда, — он даже не знал значения этого слова. Лучшим его другом был лавочник с противоположного угла улицы, человек сердитый, но никогда не сердившийся на него. Звали его мистер Гоббс. Цедрик любил и глубоко уважал его. Он считал его необыкновенно богатым и могущественным человеком — ведь сколько вкусных вещей лежало у него в лавке: сливы, винные ягоды, апельсины, разные бисквиты, к тому же у него были еще лошадь и тележка. Положим, Цедрик любил и молочницу, и булочника, и продавщицу яблок, но мистера Гоббса он любил все-таки больше всех и находился с ним в таких дружеских

14   отношениях, что приходил к нему каждый день, беседуя по целым часам о разных текущих вопросах дня. Удиви-

тельно, как долго они могли разговаривать — в особенности о четвертом июля, — просто без конца! Мистер Гоббс вообще весьма неодобрительно относился к «британцам» и, рассказывая о революции, передавал удивительные факты о безобразных поступках противников и о редкой храбрости героев революции. Когда же он принимался цитировать некоторые параграфы из «Декларации Независимости», Цедрик обыкновенно приходил в сильнейшее возбуждение; глаза его горели, щеки пылали, а кудри превращались в целую шапку спутанных золотистых волос. С нетерпением доедал он обед по возвращении домой, спеша как можно скорее передать все услышанное маме. Пожалуй, мистер Гоббс первый возбудил в нем интерес к политике. Он любил читать газеты, а потому Цедрик узнал очень многое из того, что дела-

лось в Вашингтоне. При этом мистер Гоббс обыкновенно высказывал свое мнение о том, хорошо или дурно относился президент к своим обязанностям. Однажды после новых выборов мистер Гоббс был особенно доволен результатами баллотировки, и нам даже кажется, что, не будь его и Цедрика, страна могла очутиться на краю гибели. Как-то раз мистер Гоббс взял с собою Цедрика, чтобы показать ему процессию с факелами, и потом многие из участников ее, несших факелы, долго помнили, как какой-то рослый человек стоял у фонарного столба и держал на плече хорошенького мальчугана, который громко кричал и весело размахивал своей шапочкой.

Как раз вскоре после этих самых выборов, когда Цедрику было почти восемь лет, случилось одно необыкновенное событие, сразу изменившее всю его жизнь. Странно, что именно в тот день, когда это случилось, он говорил с мистером Гоббсом об Англии и английской королеве, причем мистер Гоббс весьма неодобрительно отзывался об аристократах, в особенности же о графах и маркизах. Был очень жаркий день, и Цедрик, наигравшись в солдатики с другими мальчиками, отправился отдыхать в лавку, где нашел мистера Гоббса за чтением «Лондонской иллюстрированной газеты», в которой было изображено какое-то придворное торжество.

— А, — воскликнул он, — вот они теперь чем занимаются! Только не долго им радоваться! Скоро наступит вре-

